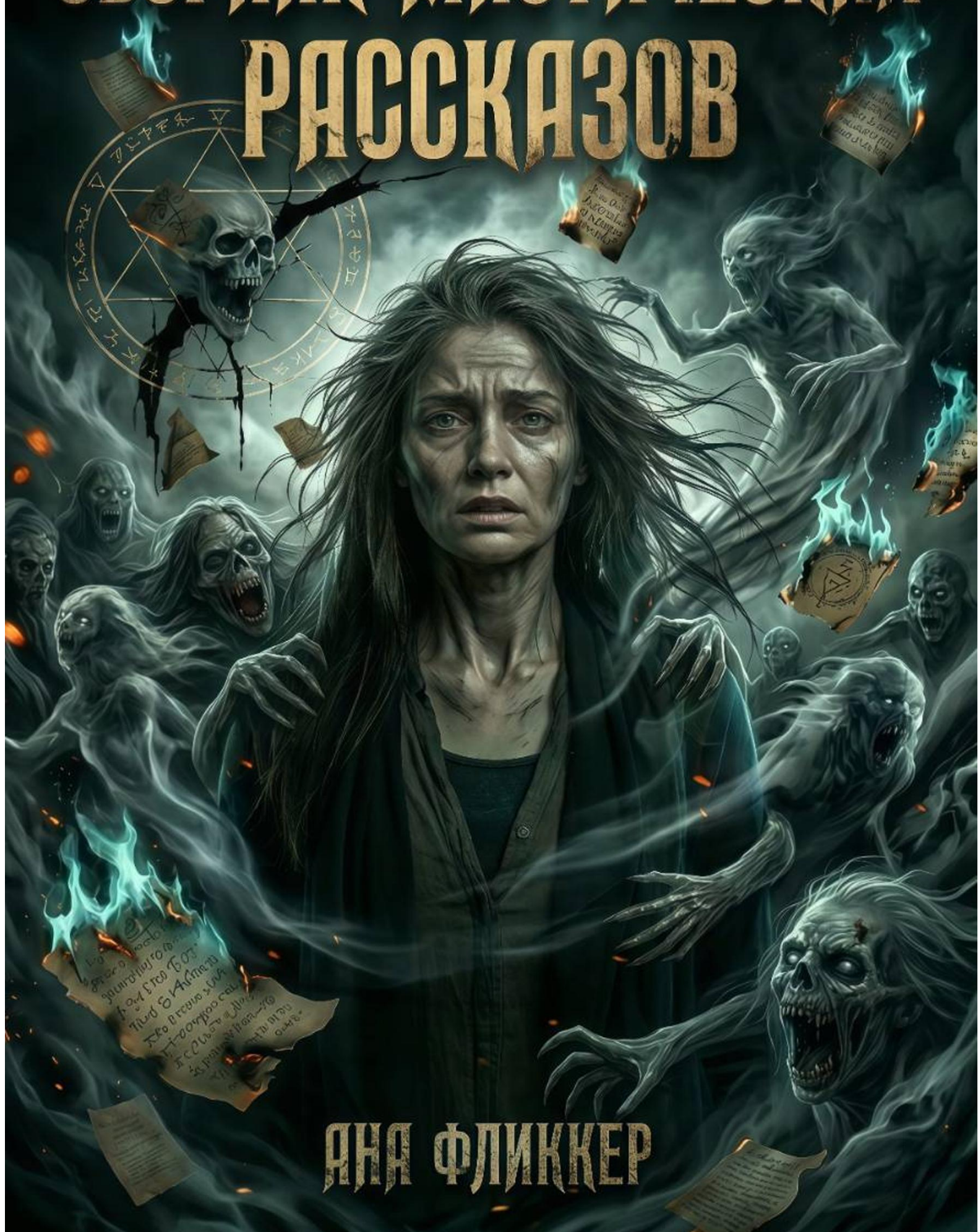

СБОРНИК МИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

АНА ФЛИККЕР

Ана Фликкер

Сборник мистических рассказов

«Автор»

2026

Фликкер А.

Сборник мистических рассказов / А. Фликкер — «Автор», 2026

Тени шевелятся, когда вы отворачиваетесь. За дверью слышится шёпот. Зеркало отражает то, чего за вашей спиной быть не должно. За стенами привычной реальности таятся иные миры — тёмные, зловещие, полные древних тайн. В этом сборнике вас ждут истории, от которых стынет кровь: шепоты призраков в заброшенных домах, тени, скользящие по стенам в полночь, и существа, что веками ждут своего часа. Каждый рассказ — дверь в мир, где страх обретает форму, а тишина хранит невысказанные кошмары. Сможете ли вы дочитать до конца, не оглянувшись через плечо?

© Фликкер А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

СТАНЦИЯ «НИГДЕ»: ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС В ПУСТОТУ	5
ДОМ ПУСТЫХ ЗЕРКАЛ	10
КУКОЛЬНЫЙ ОБРЯД	15
ШЁПОТ ЧЁРНОГО БОЛОТА	21
РОЗАРИЙ СМЕРТИ: ПРОКЛЯТЫЙ САД	26
К	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ана Фликкер

Сборник мистических рассказов

СТАНЦИЯ «НИГДЕ»: ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС В ПУСТОТУ

Артём ненавидел ночные электрички — они казались ему металлическими гробами на колёсах, медленно ползущими сквозь тьму. Но работа в архиве, с её бесконечными стопками пыльных папок и тусклым светом флуоресцентных ламп, не оставляла выбора: домой можно было добраться только последним рейсом.

Он привычно занял место у окна, стараясь не обращать внимания на соседей. В вагоне пахло мокрой шерстью — видимо, кто-то недавно попал под дождь, дешёвым табаком, который пропитывал всё вокруг, и чемто неуловимо кислым — запахом усталости, оседавшим на одежде, коже и даже в мыслях. Этот запах словно напоминал: день закончился, но облегчения не будет.

За окном мелькали редкие огни пригорода — тусклые, размытые дождём. Артём прислонился лбом к холодному стеклу, надеясь вздремнуть те двадцать минут, что отделяли его от родной платформы. Глаза слипались, а монотонный стук колёс убаюкивал.

Он уже начал проваливаться в сон, как вдруг что-то изменилось. Ритм стука нарушился: вместо привычного мерного перестука колёс появился тяжёлый, утробный рокот, от которого завибрировали зубы, а по спине пробежал неприятный холодок. Артём открыл глаза, чувствуя, как внутри нарастает тревога.

В вагоне погас свет. Остался лишь тусклый аварийный мерцающий огонёк, бросавший на всё вокруг болезненно-зеленоватый оттенок. За окном больше не было привычных огней пригорода, силуэтов домов и рекламных щитов. Только абсолютная, густая чернота, в которой изредка вспыхивали искры, подозрительно похожие на тлеющие угли. Они появлялись и гасли.

Артём сглотнул, пытаясь убедить себя, что это просто сбой электричества, какая-то техническая неполадка. Но интуиция кричала об обратном. Он посмотрел на других пассажиров — те будто не замечали происходящего. Кто-то продолжал дремать, кто-то уткнулся в телефон, кто-то бездумно смотрел в окно. Казалось, только он один почувствовал эту внезапную перемену.

Артём вцепился в подлокотники кресла, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Он резко обернулся к соседу — пожилому мужчине в потрёпанном пальто, который до этого мирно дремал. Но теперь глаза мужчины были открыты — и в них не было зрачков, только мутная белесая пелена.

Сердце Артёма пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой, отдаваясь в горле. «Это не человек, — пронеслась в голове парализующая мысль. — Боже, это не человек!» Мужчина улыбался, и эта улыбка была настолько неестественной, словно мышцы лица подчинялись чужой, невидимой воле, растягивая кожу до предела.

— Что... что происходит? — хрипло спросил Артём, но мужчина не ответил. Вместо этого он медленно повернул голову, и Артём услышал сухой, скрипучий звук — будто кости тёрлись друг о друга.

Остальные пассажиры тоже начали меняться. Девушка с телефоном подняла лицо — её кожа приобрела землистый оттенок, а глаза ввалились, оставив тёмные ямы на лице. Мужчина у двери вытянул шею, и Артём с ужасом заметил, что его позвонки выпирают сквозь кожу. Все они смотрели на него — молча, неотрывно, с пугающей сосредоточенностью.

Рокот стал ещё глубже, почти осязаемый — он вибрировал в груди, сдавливал лёгкие. Электричка, казалось, больше не ехала по рельсам, а падала в самую бездну. Окно перед Артёмом покрылось инеем.

Артём вскочил, рванул к двери вагона. Поезд тут же начал замедляться. Скрежет тормозов напоминал крик человека, которому разрывают гортань, — резкий, надрывной, полный боли. Звук проникал в сознание, заставляя сжиматься от ужаса.

Поезд медленно остановился. Дверь, которую обычно заклинивало так, что приходилось дёргать её изо всех сил, открылась с пугающей лёгкостью — словно её кто-то подталкивал с другой стороны. В лицо ударил холод, пахнувший сырой землёй и старым железом. Этот запах

был таким густым, что его можно было ощутить на языке — металлический привкус, отдающий ржавчиной и чем-то ещё, давно забытым и тревожным.

Вместо привычного перрона с бетонными плитами, киосками «Печать» и неоновой вывеской кафе, он увидел старую деревянную платформу, освещённую единственным дребезжащим фонарём. Его свет дрожал и мерцал, отбрасывая длинные, извивающиеся тени.

Артём сделал шаг с подножки поезда — и тут же поскользнулся: платформа оказалась покрыта тонким слоем льда, мерцающего в свете фонаря неестественно голубым отблеском. Он едва удержался на ногах, схватившись за поручень, и только тогда осознал: звук колёс и стук сердца — всё стихло. Наступила тишина, настолько абсолютная, что давила на уши.

Он отпустил поручень и выпрямился, оглядываясь. Деревянная платформа выглядела древней — доски прогнили, кое-где проломились, обнажая черноту под ними. Края досок были неровными, будто их кто-то обгрыз. В воздухе висел запах сырой земли, старого железа и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного, напоминающего разлагающуюся листву после долгой зимы.

Над платформой раскачивалась тяжёлая табличка с выцветшими буквами:

СТАНЦИЯ «НИГДЕ» КОНЕЧНАЯ

Из-под колёс поезда повалил густой, тяжёлый пар. Он не рассеивался, а словно живое существо оплетал ноги, цеплялся за ботинки, пытался проникнуть под одежду. Артём опустил взгляд — его собственные ботинки почти скрылись в этом тумане.

Артём застыл на краю платформы, не в силах сделать ни шага вперёд или назад. Туман у его ног зашевелился, будто пробудившись от долгого сна, и пополз вверх по ногам, обжигая холодом сквозь ткань брюк. Он с ужасом обернулся к вагону — и кровь застыла в жилах.

Сам состав изменился. Это была уже не привычная электричка с её чистыми окнами и пластиковыми сиденьями. Перед ним стоял колоссальный чёрный паровоз, покрытый слоем инея и копоти. Он тяжело «дышал», выбрасывая в небо столбы чёрного дыма, которые сливались с низкими, давящими тучами. Каждая деталь этого чудовища казалась древней, пропитанной веками одиночества и пути, который никогда не должен был привести сюда.

Все пассажиры теперь стояли у окон, прижавшись к стёклам бледными, искажёнными лицами. Их глаза — мутные, без зрачков — неотрывно следили за ним. Улыбки растянулись до ушей, обнажая почерневшие зубы. Пожилой мужчина, который ещё недавно мирно дремал, теперь прижался лбом к стеклу. Его губы шевелились, но Артём отчётливо услышал шёпот, проникающий прямо в сознание:

— Присоединяйся к нам... Останься здесь... Навсегда...

Девушка с телефоном подняла руку и прижала ладонь к стеклу. Её кожа пузырилась и слезала лоскутами, обнажая тёмную, гнилую плоть.

— Здесь нет боли... Нет усталости... Только покой... — донёсся её голос, похожий на скрип ржавых петель.

Мужчина у двери вытянул шею ещё сильнее — позвонки теперь торчали наружу, как острые шипы. Он медленно поднял руку, указывая на Артёма:

— Ты уже наш... Ты уже здесь...

Остальные подхватили шёпот, и он заполнил всё пространство вокруг — густой, липкий, неотвратимый:

— Останься... Присоединяйся... Останься...

Артём отпрянул, споткнулся о край платформы и едва не упал в туман. Тот жадно потянулся к нему, пытаясь ухватить за одежду. Схватившись за столбик с табличкой «СТАНЦИЯ «НИГДЕ», он заставил себя оторвать взгляд от жутких лиц в окнах.

«Бежать! Нужно бежать!» — пульсировало в голове.

Он рванул вдоль платформы, скользя на влажных досках, спотыкаясь о торчащие гвозди. Фонарь за спиной вдруг погас, погрузив станцию во тьму. Только глаза пассажиров в окнах

вагона продолжали светиться — тусклым, мертвенным светом. Их шёпот становился всё громче, всё настойчивее:

— Куда же ты?... От нас не убежать...

«Не останавливаться», — повторил он про себя, стиснув зубы, и побежал.

Артём добежал до конца платформы и замер. Рельсы уходили в непроглядную тьму. Ни единого огонька, ни проблеска света — только чёрная пустота, в которой тонули пути.

Он обернулся. Пассажиры теперь выходили из вагона. Их движения были дёргаными, неестественными, будто марионетки, чьи нити запутались. Они выстраивались вдоль платформы, образуя живой коридор, ведущий к паровозу. Девушка с телефоном теперь смотрела прямо на Артёма. Её глаза больше не были пустыми ямами — в них мерцал тот же болезненно-зелёный свет, что исходил от аварийного освещения в вагоне. Лица остальных искажались, растягиваясь в жутких гримасах. Шёпот стал громче, превратился в монотонный гул, от которого закладывало уши:

— Ты не убежишь... Ты уже здесь... Здесь навсегда...

«Нет, — подумал Артём, сжимая кулаки. — Я не стану одним из вас».

Он больше не стал медлить. Страх, острый и обжигающий, пронзил его насквозь. Он развернулся и бросился прочь — вглубь тьмы, прочь от станции «Нигде», прочь от поезда, прочь от всего, что здесь происходило. Туман цеплялся за ноги, замедляя бег, но Артём, стиснув зубы, рвался вперёд. Он бежал, не разбирая дороги, слыша за спиной нарастающий шёпот, скрежет металла и низкий, утробный рокот.

Внезапно земля под ногами дрогнула, и Артём, потеряв равновесие, полетел вниз. Последнее, что он услышал, — оглушительный скрежет и стон металла.

Свет был слишком ярким. Он резал глаза, выжигая остатки ночного кошмара. Артём попытался поднять руку, но та отозвалась болью.

Он лежал на чём-то твёрдом и холодном, над головой мерцала флуоресцентная лампа. В ушах стоял звон, а тело ломало так, будто его пропустили через мясорубку. Голова пульсировала тупой, раскалывающей болью — каждый звук отдавался в висках, словно по черепу били молотом.

— Тише, тише... Очнулся, — послышался чей-то голос, непривычно мягкий и человеческий.

Он с трудом сфокусировал зрение. Белый потолок, капельница, мерный писк монитора. Рядом сидела медсестра, её лицо выглядело измождённым, но живым. Рядом стоял врач в белом халате. Артём попытался сесть, но острая боль в голове заставила его застонать и вцепиться в край кровати.

— Лежите, молодой человек, — мягко, но твёрдо сказал врач. — Вы в больнице. Произошло столкновение поездов. Ваш состав сошёл с рельсов и врезался во встречный грузовой.

Артём закрыл глаза, пытаясь осмыслить услышанное. В висках стучало, мысли путались, обрывки воспоминаний наплывали и тут же ускользали.

— Сколько... сколько людей погибло? — хрипло спросил он.

Врач помрачнел:

— Большинство пассажиров не выжили. Вас нашли только к утру — спасатели прочёсывали местность всю ночь. Вы были без сознания рядом с обломками вагона, в стороне от основной зоны разрушения. Видимо, в момент удара вас отбросило в сторону, и вы оказались под завалом из веток и обломков — это, скорее всего, и уберегло вас от более серьёзных травм.

Артём вспомнил тьму, туман, странный паровоз и табличку «СТАНЦИЯ «НИГДЕ». Всё это казалось теперь кошмарным сном, переплетённым с реальностью катастрофы, но ощущение ужаса всё ещё сжимало сердце. Он попытался сосредоточиться на деталях, но голова взорвалась новой волной боли.

— Вы несколько дней были без сознания, — вздохнула медсестра, осторожно поправляя капельницу.

— У вас тяжёлая травма головы, — продолжил врач, внимательно наблюдая за реакцией пациента. — Сотрясение, конечно, тоже есть, но главное — ушиб мозга и трещина в височной кости. Сейчас состояние стабильное, но потребуется длительное восстановление. Первые дни — строгий постельный режим, минимум нагрузок. Мы будем внимательно следить за динамикой. Организм молодой, восстанавливается хорошо. Главное — терпение и покой.

Артём глубоко вздохнул. Он был жив. Он выбрался. Всю ночь он пролежал там, среди обломков и тишины, пока его не нашли, — и всё же судьба дала ему шанс.

Несколько часов спустя, когда состояние Артёма стабилизировалось, к нему в палату зашла следовательница из транспортной полиции — молодая женщина с усталыми глазами и папкой в руках.

— Артём, — она заглянула в бумаги, — нам нужно уточнить некоторые детали. Вы помните, что происходило перед столкновением? Были ли какие-то необычные звуки, сбои в работе состава?

Он на мгновение замер. Рассказать о погасшем свете, о пассажирах с белёсыми глазами, о станции «Нигде»? Нет. Никто не поверит. Это либо был кошмар, родившийся в миг удара, либо что-то, чему нет места в реальном мире. К тому же голова так болела, что связно вспомнить события было почти невозможно.

— Я... почти ничего не помню, — тихо ответил он. — Всё произошло слишком быстро. Я просто услышал скрежет, потом удар — и всё. Дальше — темнота.

Следовательница кивнула, сделала пометку и закрыла папку.

— Поправляйтесь, — сказала она и вышла.

Артём глубоко вздохнул. Он был жив. Он выбрался. И теперь, глядя в окно на рассвет, пробивающийся сквозь тучи, он твёрдо решил: больше никаких ночных электричек. Никогда.

ДОМ ПУСТЫХ ЗЕРКАЛ

Тётка Аглая всегда была странной, но Кира поняла масштабы этой странности, только когда вступила в наследство и перешагнула порог старого особняка на окраине леса. Кира не видела тётку с детства — с тех пор, как родители в последний раз брали её на скучные летние каникулы в глушь, к лесному дому.

О смерти тётки Кира узнала из письма нотариуса. Короткое, деловое сообщение: «Вы указаны единственной наследницей имущества Аглаи Львовны. Просим явиться для оформления документов». Никаких подробностей, никаких намёков на то, что за дом ей достался.

Через неделю, подписав бумаги и выслушав монотонный перечень активов (старый особняк, участок в двадцать гектаров у леса, несколько шкапуток с безделушками), Кира стояла на разбитой подъездной дороге, глядя на дом, который когда-то казался ей огромным сказочным замком. Теперь он выглядел иначе.

Серые каменные стены, покрытые мхом и плющом, узкие окна, похожие на щели, и тяжёлая дубовая дверь с кованым молотком в виде волчьей головы. Крыша местами просела, черепица осыпалась, обнажив тёмные рёбра стропил. Лес подступал вплотную — высокие сосны с корявыми ветвями почти касались карнизов.

Кира глубоко вдохнула, пытаясь унять странное беспокойство. «Это просто старый дом, — напомнила она себе. — Тётка была чудаковатой, вот и всё».

Ключ с трудом повернулся в замке. Дверь скрипнула, пропуская её внутрь, и Кира замерла на пороге.

В доме пахло пылью, сухими травами и чем-то неуловимо холодным, как будто здесь годами не было тепла. Казалось, даже звук её шагов поглощался стенами, оставляя после себя звенящую тишину.

Но самым жутким было не это.

Зеркала.

Они были повсюду.

В каждой комнате, в каждом коридоре. Крошечные настольные и огромные, во весь рост, в тяжёлых рамах из чёрного дерева, испещрённых странными, похожими на оккультные символы узорами. И абсолютно каждое зеркало было плотно занавешено плотной чёрной тканью или повёрнуто к стене, чтобы в него невозможно было заглянуть.

На столе в гостиной Кира нашла короткую записку, написанную неровным, дрожащим почерком:

«Они всегда смотрят. Не дай им увидеть тебя».

Кира была человеком рациональным. Она списала это на старческую деменцию.

Решительно отбросив эти мысли, она подошла к огромному напольному зеркалу в спальне и сдёрнула с него тяжёлый бархат. Ткань глухо упала на пол.

Зеркало оказалось потрясающим — старинное, с чуть помутневшим стеклом, которое, казалось, впитывало свет лампы, а не отражало его. Кира на мгновение замерла, заворожённая его глубиной, но тут же тряхнула головой. «Глупости. Просто старое стекло».

Первые два дня прошли спокойно. Она разбирала старые книги, протирала пыль с мебели, пыталась привыкнуть к скрипу половиц и шорохам в стенах — обычным звукам старого дома. Но вечером третьего дня всё изменилось. Кира стояла перед зеркалом, расчёсывая волосы перед сном. Щётка скользила по прядям, она смотрела на своё отражение, думая о том, что, возможно, стоит продать этот дом и забыть о нём...

И вдруг её рука замерла.

Она перестала расчёсывать волосы. А её отражение — нет.

Оно сделало ещё один, лишний взмах щёткой, прежде чем застыть, словно спохватившись. Кира почувствовала, как по спине пополз ледяной пот.

Она медленно подняла левую руку. Отражение повторило жест, но с микроскопической, едва уловимой задержкой. Словно там, по ту сторону стекла, кто-то очень старательно играл в «зеркало», но немного не успевал.

Кира отшатнулась от зеркала, выронив щётку. Та глухо стукнулась об пол, но звук показался ей неестественно тихим, будто его поглотила вязкая атмосфера комнаты.

Она зажмурилась, досчитала до десяти и открыла глаза.

В зеркале отражалась она сама — бледная, с расширенными зрачками, с растрёпанными волосами. Обычное отражение. Никаких лишних движений.

«Показалось, — с облегчением подумала Кира. — Просто усталость, стресс, новый дом... Конечно, показалось».

Она подняла щётку, бросила её на туалетный столик и быстро разделась. Перед тем как лечь в постель, Кира всё же оглянулась на зеркало. Ткань, которую она сбросила с него днём во время уборки, так и валялась в углу.

«Завтра закрою его чем-нибудь понадёжнее», — решила она и выключила лампу.

Ночник в изголовье кровати остался гореть тусклым оранжевым светом — Кира никогда не любила полную темноту.

Она легла в постель, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Сон не шёл. Она ворочалась, прислушивалась к скрипам старого дома, к шелесту деревьев за окном. И чем дольше лежала, тем сильнее становилось ощущение, что за ней наблюдают.

«Просто старый дом, — повторяла она про себя. — Скрипы, сквозняки, странные ощущения... Всё это объяснимо. Никаких призраков. Никаких зеркал, которые живут своей жизнью».

Она перевернулась на бок, спиной к зеркалу. Так было спокойнее.

Сначала она слушала тишину. Не просто отсутствие звуков — а густую, плотную тишину, будто кто-то выключил все шумы мира. Даже тиканье старых часов в коридоре, которое она замечала краем сознания, вдруг оборвалось. Ни скрипа половиц, ни шороха за стеной, ни далёкого ветра в кронах деревьев. Только собственное дыхание — и то казалось слишком громким.

Кира замерла, прислушиваясь.

Потом стало холодно.

Холод не пробрался в комнату через окно или дверь — он возник внутри. Сначала он коснулся затылка, пробежал ледяными пальцами вдоль позвоночника. Кира почувствовала, как волосы на шее встали дыбом. Она плотнее закуталась в одеяло, но это не помогло.

Холод усиливался.

Дыхание стало вырываться изо рта белым паром. Кира села в кровати, обхватив себя руками. Взгляд сам собой метнулся к зеркалу. В тусклом свете ночника оно выглядело иначе. Стекло больше не отражало комнату — оно показывало её, но как-то... иначе.

Кира увидела свою спальню, как будто смотрела на неё со стороны: кровать, шкаф, открытую дверь в коридор. Всё было на месте. Но в тёмном проёме двери стояла фигура.

Высокая, неестественно худая, укутанная во что-то серое, похожее на старый саван. Она не шевелилась, но девушка каждой клеткой тела чувствовала — это существо смотрит прямо на неё.

Время будто застыло. Кира не могла пошевелиться, не могла вдохнуть. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот пробьёт рёбра. Она медленно повернула голову к реальной двери.

Коридор был пуст.

Тишина звенела в ушах, давила на виски. Кира снова перевела взгляд на зеркало. Фигура сделала шаг вперёд. Теперь она стояла на пороге отражённой спальни. Её лицо оставалось в тени, но Кира знала — оно смотрит на неё.

По спине пробежал новый ледяной озноб, на этот раз сильнее. Кира почувствовала, как волосы на затылке встают дыбом, а пальцы на ногах немеют от холода. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не закричать. Боль отрезвила её на мгновение.

«Это не по-настоящему, — лихорадочно подумала она. — Это сон. Кошмар. Просто проснись!»

Она ущипнула себя за руку — больно. Не сон. Фигура в зеркале подняла руку. Медленно, с жуткой механичностью, будто марионетка, которой дёргают за ниточки. Пальцы были длинными, искривлёнными, с заострёнными ногтями. Они коснулись стекла изнутри — и по поверхности зеркала пробежала едва заметная рябь, как от брошенного в воду камня.

Кира в панике вскочила с кровати, схватила брошенный в углу бархатный чехол и, зажавшись, набросила его на зеркало. Ткань легла неровно, кое-где сползла, но девушка не стала его поправлять, а попятилась назад. Из-под тяжёлой ткани доносилось тихое, сухое царапанье — будто кто-то скребётся изнутри, пытаясь выбраться. Звук был едва уловимым, но он проник в сознание, как игла под кожу. Кира отступила к стене, прижалась к ней спиной и сползла на пол, обхватив колени руками.

Она сидела так, не шевелясь, пока первые лучи рассвета не пробились сквозь ставни, рассеивая тьму. Царапанье стихло. Дом снова наполнился обычными звуками: тиканьем часов, скрипом дерева, далёким пением птиц. Но это не разогнало липкий страх, сковавший душу девушки. Она всё так же сидела у стены, обхватив колени, и неотрывно смотрела на занавешенное зеркало. Бархатная ткань слегка колыхалась, будто под ней кто-то шевелился.

Наконец Кира заставила себя встать. Ноги дрожали, в висках стучала кровь. Она подошла к зеркалу и осторожно, двумя пальцами, приподняла край ткани. Под ней было обычное стекло — тёмное, мутное, без каких-либо признаков движения.

«Надо уезжать», — твёрдо решила она.

Сбор вещей занял меньше получаса. Кира металась по комнатам, хватая самое необходимое: одежду, документы, телефон, зарядку. Она старалась не смотреть по сторонам, не задерживать взгляд на занавешенных зеркалах, которые, казалось, следили за ней из каждого угла.

Ключи от машины лежали на тумбочке в прихожей. Кира бросилась к ним, но замерла на полпути. Зеркало. Маленькое, круглое, висевшее над тумбочкой. Ткань с него соскользнула — видимо, от сквозняка.

Кира старалась не смотреть в него, но периферийное зрение — предательская штука. Краем глаза она уловила движение. Она замерла, сжимая ключи, медленно, против воли, поворачивая голову. В маленьком круглом зеркале не было прихожей. Не было двери. Не было самой Киры. Оттуда на неё смотрело её собственное лицо. Но оно было искажено жуткой, неестественно широкой улыбкой, обнажающей слишком много зубов. Глаза отражения были абсолютно чёрными, без белков.

Отражение подняло руку с длинными, неестественно тонкими пальцами и прижало её к стеклу изнутри.

«Тук. Тук. Тук».

Стук разнёсся по комнате. Отражение стучало по стеклу, просясь наружу.

Кира закричала и в ужасе швырнула в зеркало тяжёлую бронзовую статуэтку с полки. Статуэтка ударилась о стекло... но не разбила его. Поверхность зеркала пошла рябью, как вода в пруду. Статуэтка просто утонула в ней, исчезнув без звука.

И тут руки отражения вырвались из стекла. Длинные пальцы впились в плечи Киры. Они были ледяными, твёрдыми, как камень, и невероятно сильными. Воздух застрял в лёгких.

От существа пахло вековой пылью и сырой землёй. Оно рвануло Киру на себя с такой силой, что её ноги оторвались от пола.

Мир перевернулся. Лицо Киры ударилось о гладкую, ледяную поверхность, а затем прошло сквозь неё, словно сквозь густой, замерзающий кисель. Звуки мгновенно исчезли. Наступила абсолютная, вакуумная тишина. Кира упала на пол. Она судорожно глотала воздух, пытаясь прийти в себя. Подняв глаза, она увидела свою прихожую. Тумбочку. Брошенную сумку.

Но всё это было за невидимой преградой. По ту сторону стекла стояла она сама.

«Другая» Кира поправила волосы, стряхнула несуществующую пылинку с куртки и наклонилась, поднимая ключи от машины. Затем она медленно повернулась к зеркалу. На её

лице расплылась та самая широкая, зубастая улыбка. Глаза на мгновение стали абсолютно чёрными, прежде чем снова стать обычными, карими.

Существо в теле Киры поднесло палец к губам в жесте «тссс», подмигнуло и вышло из дома, хлопнув за собой входную дверь.

Кира бросилась к стеклу. Она кричала, колотила по невидимой преграде кулаками до крови, но не издала ни звука. Вокруг неё была только бесконечная, холодная серая пустота, в которой блуждали сотни других безмолвных теней.

Она поняла, почему тётя Аглая прятала зеркала. Поняла, почему дом назывался Домом пустых зеркал. Они не были пустыми. Просто их обитатели давно вышли наружу. А новые гости, занявшие их место, были навсегда заперты в тишине.

КУКОЛЬНЫЙ ОБРЯД

Марк и Марта въезжали в новый дом. Они только что переехали в тихий городок Эшвуд. Дом достался дёшево, и риелтор невнятно бормотал что-то про «предыдущих владельцев, которые спешно уехали», но они с мужем были счастливы. После нескольких лет жизни в тесной городской квартире они наконец смогли позволить себе собственный дом — пусть старый, но просторный, окружённый заросшим садом.

К вечеру первого дня дом уже не казался таким чужим: на стенах висели фотографии, на полках появились книги, в вазе стояли полевые цветы, которые Марта нарвала по дороге.

На следующий день Марта решила осмотреть подвал. Воздух здесь был влажным и затхлым, пахло плесенью и старыми деревянными ящиками. Луч фонарика выхватывал из темноты очертания коробок, сломанной мебели, каких-то инструментов.

Марта медленно продвигалась вглубь, освещая стены и пол. В дальнем углу, рядом с кучей старых одеял, что-то блеснуло. Она подошла ближе и наклонилась.

Там, среди пыли и паутины, лежала кукла.

Марта подняла её, стряхнула пыль. Кукла была странной: фарфоровое лицо с выцветшими голубыми глазами, рыжие кудри, платье с кружевами, местами покрытое бурыми пятнами. Руки и ноги сгибались на шарнирах, но один палец на левой руке был сломан.

Марта перевернула её и увидела на спине, под тканью, вышитую надпись: «Анна, 1891». Буквы были выцветшими, но чёткими.

Она вздрогнула, услышав шаги наверху. Через мгновение в проёме подвала появился Марк:

— Ну что, нашла сокровища?

Он спустился, взял куклу из рук Марты, осмотрел.

— Милая, выброси эту дрянь, — поморщился он. — Выглядит жутковато. Кто знает, где она валялась. Да и пятна эти будто кровь.

— Да нет, просто грязь, — машинально ответила Марта, забирая куклу обратно. — Она же старинная. Может, даже антикварная.

Марта поднялась с куклой в руках. Она не могла объяснить, почему не хочет её выбрасывать. В этой старой игрушке было что-то знакомое, будто она видела её раньше — может, в детстве, во сне, или где-то ещё, что не получалось вспомнить.

Она почистила куклу, поставила на полку в спальне и даже дала ей имя — Лили.

Марк, проходя мимо, бросил косой взгляд, но ничего не сказал.

Вечером, перед сном, Марта долго смотрела на Лили. Та сидела прямо, сложив руки на коленях, и смотрела куда-то вдаль.

«Просто старая игрушка, — думала Марта. — Ничего страшного».

Но когда она выключила свет и легла, ей показалось, что глаза куклы чуть блеснули в темноте.

Ночью Марта проснулась от ощущения, что за ней наблюдают. Она повернула голову к полке.

Лили сидела в той же позе. Но теперь её голова была чуть повернута — ровно настолько, чтобы смотреть прямо на кровать.

Марта зажмурилась, сосчитала до десяти и открыла глаза.

Кукла сидела. Её голова, как и должна была, повернута прямо.

«Показалось», — решила она. Но сон больше не шёл. Где-то далеко, за стенами дома, завывал ветер. И в этом звуке ей чудилась непонятная угроза.

На третью ночь Марта проснулась от звука. Кто-то тихо напевал колыбельную — ту самую, что пела ей бабушка в детстве.

«Спи, дитя, в тиши ночной,

Звёзды светят над тобой...»

Звук шёл от полки с куклой. Марта резко включила ночник. Лили по-прежнему сидела лицом к комнате, но её голова снова была чуть повернута в сторону кровати. Марта точно помнила, что ставила её прямо.

Она встала, поправила куклу, выключила свет и легла. Колыбельная стихла, но Марта ещё долго лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к каждому шороху.

Утром Марта обнаружила на полу возле полки несколько длинных рыжих волос. Свои она стригла коротко, Марк был брюнетом. Она подняла волосы, растёрла между пальцами — они казались настоящими.

«Может, остались от прежней хозяйки?» — подумала Марта, но сама не поверила в это объяснение.

В тот же день пропала её серебряная брошь — та, что бабушка подарила на совершеннолетие. Искала везде — безрезультатно. А ночью брошь лежала у ног Лили, будто её положили туда специально.

С каждым днём странности усиливались, а ощущение нереальности происходящего всё глубже проникало в сознание Марты.

Через неделю девушка начала замечать, что забывает простые вещи: куда положила ключи, выключила ли плиту, зачем зашла в комнату. А ещё ей стали сниться сны — тёмная комната, детский смех, чьи-то шаги за спиной.

Однажды утром она увидела в зеркале, как отражение Лили на полке медленно повернуло голову и посмотрело на неё. Марта резко обернулась — кукла стояла как прежде.

На следующую ночь Марта решила не спать. Она взяла книгу, устроилась в кресле у окна и время от времени поглядывала на Лили. Часы показывали 01:47, когда она заметила, что кукла моргнула.

Марта замерла. Это не могло быть игрой света — веки фарфорового лица опустились и поднялись снова, медленно и осознанно.

Она вскочила, подошла ближе. Глаза Лили были голубыми, как и раньше. Но когда Марта включила лампу, она вздрогнула: радужка стала тёмно-кареей. Точь-в-точь как у неё самой.

— Что ты такое? — прошептала Марта. В ответ кукла чуть повернула голову. Её губы не двигались, но в голове Марты прозвучал тихий голос:

«Я — твоя подруга. Я хочу помочь». Марта отшатнулась. Голос был детским, мелодичным, но от него по спине пробежал ледяной озноб.

Решив, что с неё хватит, Марта завернула Лили в старую газету и вынесла во двор. Она бросила куклу в мусорный бак, подальше от дома, и даже закидала её пакетами, чтобы наверняка.

— Прощай, — сказала она, захлопывая крышку.

Вернувшись в дом, она почувствовала облегчение.

Вечером, поднимаясь в спальню, Марта замерла на пороге.

Лили снова стояла на полке.

Она была чистая, сухая, хотя на улице шёл дождь. Платье аккуратно расправлено, волосы расчёсаны. А на лице застыла улыбка — чуть шире, чем раньше.

Марта почувствовала, как кровь отхлынула от лица. В ужасе она помчалась к мужу:

— Марк, с куклой что-то не так. Она... меняется. И я чувствую, что становлюсь другой.

Марк нахмурился, положил руку ей на плечо:

— Милая, это просто старая игрушка. Ты перенервничала с переездом, вот и мерещится всякое. Давай завтра отнесём её в антикварную лавку или просто выбросим.

— Я уже пыталась, — в отчаянии воскликнула девушка. — Она возвращается. Каждый раз.

Марк помолчал, потом мягко сказал:

— Послушай, завтра я возьму отгул. Мы вместе отнесём её куда-нибудь подальше и избавимся раз и навсегда. Обещаю.

Марта кивнула, но в глубине души знала: это не поможет. Лили не просто кукла. Она — что-то большее. И она не отпустит так просто.

Всю ночь Марта не могла выбросить из головы слова Марка: «Ты перенервничала с переездом». Но она знала, что дело не в этом. Лили не была обычной куклой. И чтобы понять, что

происходит, нужно было узнать больше о доме — и о той девочке, чьё имя было вышито на спине игрушки.

На следующее утро Марта сказала Марку, что поедет в центр города за продуктами, а сама направилась в городскую библиотеку Эшвуда. Она надеялась, что там найдутся старые газеты или архивные записи — что-нибудь, что свяжет куклу с историей этого места.

Библиотека располагалась в старом кирпичном здании с высокими потолками и массивными дубовыми столами. Марта подошла к стойке информации и обратилась к пожилой библиотечарше с седыми кудрями и в круглых очках:

— Подскажите, где я могу найти старые газеты или документы по истории города? Особенно интересуют материалы конца XIX — начала XX века.

Женщина внимательно посмотрела на неё, поправила очки и тихо ответила:

— А вас, случайно, не дом Грейсонов интересует?

Марта замерла:

— Да... Откуда вы знаете?

— Я здесь уже тридцать лет, — улыбнулась библиотечарь. — И каждый, кто туда переезжает, рано или поздно приходит с таким же вопросом. Пойдёмте, я покажу, где искать.

В читальном зале Марта получила подшивки старых газет. Дрожащими руками она начала листать пожелтевшие страницы, пока не наткнулась на статью от 15 июня 1891 года:

«Пропала пятилетняя Анна Грейсон

Вчера в Эшвуде исчезла пятилетняя Анна Грейсон, дочь местного аптекаря Генри Грейсона. Девочка играла во дворе, когда её мать на несколько минут зашла в дом. Вернувшись, женщина не обнаружила дочери. Полиция обыскала окрестности, но следов не найдено».

Марта почувствовала, как по спине пробежал холодок. Анна Грейсон. Та самая девочка, чьё имя вышито на кукле.

Она продолжила искать и вскоре нашла ещё одну заметку от 20 июня 1891 года:

«Поиски Анны Грейсон продолжаются. Местные жители сообщают, что накануне исчезновения видели девочку с фарфоровой куклой в руках. Игрушку позже нашли в лесу неподалёку, будто кто-то выбросил её в спешке».

Следующие находки оказались ещё тревожнее. В 1923 году в дом переехала семья Миллер. Через месяц мать семейства, Элис Миллер, была увезена в психиатрическую лечебницу. В заметке говорилось:

«Элис Миллер кричала, что «девочка в подвале зовёт её играть». Соседи слышали, как она бормотала: «Она хочет поменяться со мной местами». Врачи диагностировали острый психоз».

«А в 1978 году молодая пара, Джон и Сара Уэст, покончила с собой в одну ночь. Соседи слышали, как они кричали друг на друга, обвиняя в «подмене»:

Они говорили, будто один из них уже не тот, кем был раньше. Что кто-то «занял его место», — рассказал сосед. — Перед трагедией в доме всю ночь звучала колыбельная».

В одной из газет Марта нашла фотографию Анны Грейсон. У девочки были рыжие кудри и большие голубые глаза. В руках она держала куклу — точную копию Лили. Под снимком стояла подпись:

«Анна Грейсон, 5 лет. Любимая игрушка девочки — фарфоровая кукла, подарок отца на день рождения».

Марта вцепилась в край стола. Всё сходилось: имя на кукле, дата, место. Но что произошло с Анной? И почему её дух привязался к игрушке?

Когда Марта вернулась к стойке, чтобы сдать газеты, библиотечарь посмотрела на неё с сочувствием:

— Вы нашли то, что искали?

— Да, — тихо ответила Марта. — Но теперь я боюсь ещё больше.

— Я не хотела пугать вас, — вздохнула женщина. — Но в городе все знают про этот дом. Говорят, Анна не смогла уйти. Она ищет кого то, кто займёт её место. А кукла... это ловушка.

По дороге обратно Марта пыталась осмыслить услышанное. Всё указывало на одно: кукла — не просто сосуд для духа Анны. Это инструмент. Обряд, который начался больше века назад, продолжается до сих пор. Каждый, кто поселяется в доме, становится следующей жертвой.

Когда она подъехала к дому, её охватило дурное предчувствие. Окна казались темнее обычного.

Она вошла внутрь и сразу направилась в спальню.

Лили по прежнему сидела на полке.

Но теперь её руки были вытянуты вперёд, пальцы скрючены, будто она пыталась схватить что то. А на фарфоровом лице застыло выражение, которого раньше не было, — холодная, торжествующая улыбка.

Марта провела бессонную ночь, копаясь в интернете. Она искала способ остановить то, что происходило в её доме. В одной статье она наткнулась на раздел о «духах подменах» и «кукольных обрядах». Там были упоминания о подобных случаях, куклах, которые привязываются к жертве, копируют её, а потом подменяют. Единственный способ остановить это — провести обратный обряд: сжечь куклу на перекрёстке в полночь, произнеся её настоящее имя.

Не желая тратить время впустую и оставаться в доме с куклой дольше необходимого, девушка решила провести обряд следующей ночью. Она ничего не сказала мужу, зная, что он ей не поверит. Он не верил, что кукла снова вернётся на полку, хотя девушка и пыталась выбросить её. Она даже пробовала запира́ть куклу в подвале, но все было бесполезно.

Ночь выдалась тёмной — ни луны, ни звёзд. Фонари вдоль дороги мерцали и гасли один за другим, будто кто то шёл за ней следом, отключая свет. Марта сжимала в руках свёрток с куклой, завернутой в льняную ткань. Сердце билось так сильно, что отдавалось в висках.

Когда она добралась до перекрёстка, ветер усилился. Деревья скрипели, их ветви тянулись к ней, словно руки. Марта положила куклу на землю, обложила сухими ветками, которые собрала заранее, и поставила по углам перекрёстка четыре свечи.

— Пусть свет укажет путь, — прошептала она, зажигая свечи одну за другой.

Пламя дрогнуло, но не погасло.

Марта чиркнула другой спичкой. Огонь перекинулся на ветки. Она смотрела, как пламя охватывает куклу, как начинает чернеть фарфор, как волосы Лили тлеют и скручиваются.

— Анна Грейсон, — произнесла она чётко, глядя в огонь. — Я отпускаю тебя. Иди к свету. Ты свободна.

Пламя вспыхнуло неестественно ярко, почти ослепляя. Из костра раздался детский крик — не злобный, а скорее благодарный. Кукла треснула, рассыпаясь в пепел.

Марта почувствовала, как с души свалился тяжёлый камень. Впервые за много дней она ощутила покой.

Дорога назад показалась короче. В груди разливалась лёгкость, а в голове впервые за долгое время не звучало никаких голосов.

Остаток ночи она спала крепко и без сновидений. Проснувшись утром, Марта почувствовала себя почти счастливой — будто тяжёлый груз упал с плеч.

Несколько дней прошли удивительно спокойно. Марта снова начала замечать мелочи, которые раньше ускользали от неё: аромат свежесваренного кофе, первые весенние цветы в саду, улыбку Марка, когда он ставил на стол тарелку с тостами.

Она даже начала планировать ремонт в гостиной — выбирала цвета, представляла, как будет выглядеть новая мебель.

Через месяц, когда Марк был на работе, Марта, возвращаясь с прогулки, заметила приоткрытую входную дверь.

«Я точно её запирала», — пронеслось в голове.

Она вошла внутрь. В доме пахло чем то сладким, как в детстве, когда бабушка пекла пироги. В гостиной горел камин, хотя она не разжигала его.

Марта поднялась в спальню. Постель была расстелена, подушки взбиты. На тумбочке стояла чашка горячего чая, от которой шёл пар. Рядом лежал клочок бумаги с неровным детским почерком:

«Спасибо, что помогла мне уйти. Теперь я помогу тебе. Мы будем играть вместе».

Марта похолодела. Она медленно повернулась к полке, где раньше стояла Лили.

Там лежала другая кукла. Фарфоровая, с голубыми глазами и рыжими кудрями. На спине вышито: «Марта, 2023».

Из подвала донёсся звук — тихий, едва уловимый. Кто то напевал колыбельную.

Марта замерла в ужасе. Пламя свечей на перекрёстке погасло не просто так. Обряд не освободил дом — он запустил новый цикл.

Услышав скрип, она медленно повернулась к лестнице. И в этот момент свет в доме моргнул. Когда он загорелся снова, на верхней ступеньке стояла кукла. Глаза её теперь были зелёными. Как у Марка.

Марк так и не вернулся с работы. Полиция обыскала дом, опросила соседей, ездила к нему в офис. Марта повторяла, что не знает, куда он мог деться. Она выглядела спокойной, даже улыбалась иногда — но улыбка казалась чужой, не её.

Теперь она спит с новой куклой в обнимку. И по ночам соседи иногда слышат, как она напевает колыбельную — всё ту же, старую. А если подойти к окну, можно увидеть, как в темноте блестят две пары глаз: одни — стеклянные, другие — живые, но уже не совсем человеческие.

И говорят, если прислушаться очень внимательно, в шёпоте ветра можно разобрать два голоса, поющих в унисон:

«Спи, засыпай... скоро ты будешь нашей...

Мы ждём тебя... мы зовём тебя...»

ШЁПОТ ЧЁРНОГО БОЛОТА

В глубине глухого леса, где деревья сплелись ветвями так плотно, что даже дневной свет едва пробивался сквозь них, лежало Чёрное болото. Местные обходили его за три версты. Гово-

рили, что там, среди гнилых кочек и вязкой жижи, живёт старуха Марфа — ведьма, проклятая ещё в позапрошлом веке.

Дом её стоял на сваях над самой трясиной: покосившаяся изба с мутными окнами, будто затянутыми пеленой. Вокруг — ни души, только кривые ивы склонялись к воде. По ночам из избы доносился странный шёпот, а порой слышался скрипучий смех, от которого кровь стыла в жилах.

Однажды трое друзей — Саша, Лена и Миша — решили проверить, правда ли всё, что рассказывают о Марфе. «Глупости, — махал рукой Саша. — Старуха просто чудит, вот и всё». Но Лена, хоть и храбрилась, всё равно сжимала в кармане амулет, подаренный бабушкой: «На всякий случай».

Встретились они на окраине деревни, у старой берёзы с выжженной корой. Было раннее утро, но небо уже затянуло тяжёлые серые тучи.

— Вы точно уверены? — в последний раз переспросила Лена, нервно оглядываясь. — Бабушка говорила, что болото не любит, когда его тревожат.

— Да брось, — Саша хлопнул её по плечу. — Старуха Марфа, наверное, уже сто лет как померла. А сказки про неё — чтобы дети по лесам не шатались.

Миша, самый молчаливый из троицы, только пожал плечами и закинул на плечо рюкзак с припасами: хлеб, вода, спички и старый компас, который давно не работал, но «для солидности» он его взял.

Они двинулись в лес. Сначала тропа была широкой и утоптанной — местные ходили сюда за грибами и ягодами. Но чем дальше, тем реже встречались следы людей. Деревья становились выше, их ветви сплетались над головой, образуя тёмный свод.

— Странно, — пробормотал Миша, глядя под ноги. — Тропа сужается.

— Просто заросла, — отмахнулся Саша.

Но Лена заметила кое-что ещё: на коре деревьев появились странные отметины — глубокие царапины, расположенные по кругу. Она промолчала, не желая пугать друзей.

Через час лес стал совсем глухим. Птицы перестали петь, даже ветер затих. Только изредка раздавался треск — будто кто-то ломал ветки в стороне, но стоило обернуться, и всё снова замирало.

— Может, вернёмся? — голос Лены дрогнул. — Что-то мне не по себе.

— Трусись? — усмехнулся Саша, но и у него на лбу выступила испарина.

— Давайте просто дойдём до края болота, — предложил Миша. — Посмотрим издали и сразу назад.

И они продолжили путь.

К вечеру добрались до болота. Воздух здесь был густым и тяжёлым, пахло тиной и чем-то сладковатым, тошнотворным.

— Болото, — выдохнула Лена.

Перед ними расстилалась серая гладь, усеянная кочками и пучками бурой травы. Вдалеке, на сваях над самой трясиной, чернела изба. Окна её были мутными, будто затянутыми изнутри паутиной.

— Видите? — Саша попытался придать голосу бодрости. — Обычная заброшенная хата. Ничего страшного.

Они подошли ближе. Тропа оборвалась у самой кромки воды. Вместо твёрдой земли — вязкая жижа, в которой пузырились зловонные пузыри.

— Ну и вонь, — Саша зажал нос.

— Смотрите! — Миша указал на дверь избы.

Та слегка покачивалась, будто кто-то только что вошёл или вышел. А на грязной земле у порога виднелись следы — но не человеческие. Слишком длинные пальцы, слишком глубокие вмятины, словно кто-то опирался на землю когтями.

Лена сжала амулет в кармане.

— Нам нельзя туда идти, — прошептала она.

— Да ладно тебе! — Саша сделал шаг вперёд, на кочку. — Сейчас подойдём, постучим, спросим, кто тут пугает народ

Он не успел договорить.

Из тумана донёсся голос — тихий, но отчётливый:

— Идите ко мне, детки... Я вас угощу.

Голос шёл отовсюду. Саша замер, потом нервно рассмеялся:

— Кто это? Выходи!

Но вместо ответа из тумана выступили тени. Не человеческие — длинные, искривлённые, с руками, похожими на ветви. Они скользили между деревьями, приближаясь.

— Назад! — крикнула Лена. — Бежим!

Они бросились прочь, но тропа, по которой они пришли, исчезла. Вместо неё — вязкая жижа, затягивающая сапоги. Миша споткнулся и упал в воду. Когда он поднялся, его лицо было бледным, а глаза — пустыми.

— Она зовёт, — прошептал он. — Идти надо.

Саша схватил его за руку, но Миша вывернулся с нечеловеческой силой. Он повернулся к ним, и его губы растянулись в той самой скрипучей улыбке, что слышали они из избы.

— Марфа ждёт, — повторил он и шагнул в туман.

Лена и Саша побежали, не разбирая дороги. За спиной раздавался шорох — будто сотни сухих листьев скользили по земле, преследуя их. Они выбежали на знакомую тропу и не останавливались, пока не увидели огни деревни.

Только тогда они позволили себе остановиться и перевести дух.

— Что... Что это было? — прошептал Саша, задыхаясь.

Лена не ответила. Она вытащила амулет из кармана и повесила себе на шею.

В ту же ночь в деревне пропали три ребёнка. Утром их следы вели к болоту, а на пороге каждого дома нашли пучок серых волос и высохший цветок, но сколько их ни искали, не могли отыскать путь к избушке.

Через неделю после пропажи детей в деревне начали происходить странные вещи. По ночам жители слышали, как кто-то скребётся в окна. На стёклах оставались длинные царапины, будто от когтей. Куры дохли без видимой причины, а молоко в крынках сворачивалось в течение часа.

Староста собрал совет старейшин. Решили отправить к болоту отряд из пяти крепких мужчин — отыскать избу Марфы и сжечь. Среди них был и отец Лены.

— Не ходи, — умоляла она. — Это ловушка!

— Мы должны положить этому конец, — твёрдо ответил отец.

Отряд ушёл на рассвете. К вечеру вернулся лишь один — бледный, дрожащий, с пустыми глазами.

— Там... — шептал он. — Там их нет. Только тени. И голос... Он говорит с тобой, знает всё, что ты скрываешь.

Он замолчал и вдруг резко рассмеялся тем самым скрипучим смехом. В тот же миг его тело начало меняться: кожа потемнела и покрылась трещинами, руки вытянулись, пальцы искривились, превращаясь в ветвистые когти.

Люди в ужасе отпрянули. Существо, бывшее односельчанином, бросилось на ближайшего мужчину, но тот успел ударить его топором. Тварь рассыпалась в пепел, оставив после себя лишь серый цветок с тремя лепестками.

Тем временем Лена, изучая бабушкины записи, нашла упоминание о Марфе. Оказывается, когда-то она была целительницей, но после смерти дочери заключила сделку с тёмными

силами, чтобы вернуть её. Силы дали ей могущество, но забрали душу, превратив в вечного стража болота.

— Единственный способ её остановить — найти останки дочери и развеять чары, — прочитала Лена вслух.

Саша, который всё это время сидел у окна, подошёл ближе:

— Я пойду с тобой. Мы должны закончить то, что начали.

Они отправились к болоту ночью, взяв с собой амулет и святую воду.

Туман встретил их ледяным дыханием. Тени кружили вокруг, шептали их имена

— Не слушай! — крикнула Лена, сжимая амулет. — Держись за мою руку!

Они добрались до избы. Она словно сама выплыла из-за дерева — покосившаяся, с мутными окнами. Дверь распахнулась перед ними с протяжным скрипом, приглашая войти в логово тьмы.

Внутри было темно, лишь в центре комнаты мерцал голубой огонёк — не от свечи и не от лучины, а какой-то потусторонний, пульсирующий в такт невидимому сердцу. Он висел над старой вазой с крышкой, отбрасывая на стены причудливые тени.

Саша шагнул вперёд, зачарованный этим светом. Его сапоги глухо заскрипели по старому полу, и в тишине этот звук прозвучал как предупреждение.

— Смотри! — тихо, почти шёпотом, остановила его Лена, схватив за рукав.

Она указала на вазу. Та действительно напоминала те сосуды, в которых раньше хранили прах умерших, — округлая, с узким горлышком и массивной крышкой. Но эта была иной: вся испещрённая символами, будто кто-то в безумной спешке нацарапал их острым когтем.

Они замолчали, разглядывая вазу. Голубой огонёк мерцал всё чаще, словно реагируя на их присутствие.

— Это не просто сосуд, — прошептала Лена. — В ней заперто что-то или *кто-то*. И пока она цела, Марфа не может ни уйти, ни обрести покой.

Саша провёл пальцем по краю стола, смахивая слой пыли: — Значит, чтобы остановить её, нужно — Разбить вазу, — закончила Лена.

— А если ошибёмся? — Саша сглотнул.

Но ответить Лена не успела.

Из темноты раздался голос Марфы:

— Умные детки. Но слишком поздно.

Стены избы зашевелились, превращаясь в живые ветви. Они устремились к детям — извиваясь, как змеи, протягивая когтистые отростки. Пол под ногами заходил ходуном.

Времени подумать не было. Саша рванул к вазе, схватил её обеими руками и со всей силы швырнул о пол.

Ваза раскололась с оглушительным звуком. Голубой огонёк вспыхнул ослепительно ярко, на мгновение озарив комнату призрачным светом, а затем рассыпался искрами.

В тот же миг болото застонало. Туман рассеялся, тени растворились. Избушка начала оседать, проваливаясь в трясины.

Над болотом пронёсся крик — отчаянный, полный боли и ярости. Затем наступила тишина.

Утром в деревню вернулись пропавшие дети. Они не помнили ничего, кроме долгого сна. Миша, бледный и измождённый, обнял Сашу и Лену:

— Спасибо...

Болото постепенно начало зарастать травой. Деревья расступились, пропуская солнечный свет. Но местные до сих пор шепчутся: в полнолуние, если прислушаться, можно услышать далёкий шёпот. И иногда на пороге домов находят высохшие цветы — напоминание о том, что тьма всегда рядом.

А Лена хранит амулет в шкатулке, перевязанной красной нитью. На всякий случай.

РОЗАРИЙ СМЕРТИ: ПРОКЛЯТЫЙ САД

В заброшенном поместье Вейнов, затерянном в глуши туманного леса, уже столетие царила мёртвая тишина. Когда-то здесь жил учёный-ботаник Каспар Вейн — человек одержимый, гениальный и пугающе целеустремлённый. Его страсть к ботанике переросла в мания-

кальное желание преодолеть границу между растительным и животным миром. Он верил: если найти правильный катализатор, растения смогут чувствовать, двигаться, охотиться.

Годы ушли на опыты. Каспар привозил редкие семена, экстракты ядов, смешивал составы, записывая результаты в толстые тетради с кожаными переплётками. Его лаборатория, пристроенная к оранжерее, наполнилась склянками с мутными жидкостями, колбами, где бурлили странные смеси, и банками с образцами тканей.

Последним и самым амбициозным проектом стал розарий. Каспар ввёл в корни кустов экстракт яда *Dendrocnide moroides* (известного как «жалящее дерево») и добавил секретный катализатор собственного изобретения — субстанцию, которую он называл «эликсиром пробуждения».

Сначала ничего не происходило. Но через неделю розы начали меняться: лепестки приобрели насыщенный алый оттенок с почти чёрными прожилками. Листья стали гляцевыми, словно покрытыми тонким слоем воска, шипы удлинились, заострились и приобрели металлический блеск. А потом — зацвели.

На следующее утро Каспара нашли в оранжерее. Его тело лежало среди кустов, руки были исцарапаны шипами, а на лице застыло выражение нечеловеческого ужаса. В дневнике последняя запись:

«Они слышат. Они ждут. Я дал им голос, но не контроль. Бегите, если увидите свет...»

Власти сочли это самоубийством, поместье опечатали, а сад постепенно зарос дикими побегами. Но слухи не угасали.

Местные рассказывали, что по ночам из сада пробивается тусклый изумрудный свет, а воздух наполняется сладковатым ароматом — смесью розы и железа. Шипы тех роз стали подвижными, будто щупальца. Те, кто заходит в сад после заката, не возвращаются.

Элиза Рейн, репортёр провинциальной газеты, не верила в призраков, проклятия и ожившие растения. Но история учёного-ботаника Каспара Вейна казалась ей идеальным материалом — тем самым шансом, который мог вывести её карьеру на новый уровень. Она давно мечтала о большой статье, способной заинтересовать столичные издания, и поместье Вейнов могло стать её билетом в мир серьёзной журналистики.

Подготовка заняла несколько дней. Элиза изучила все доступные материалы о Вейне, составила маршрут, продумала экипировку:

плотные кожаные перчатки — защита от шипов;
фотоаппарат с инфракрасной съёмкой — чтобы запечатлеть аномалии в темноте;
мощный фонарик с запасными батареями;
миниатюрный диктофон — для фиксации наблюдений;
складной нож в чехле на поясе — на всякий случай;
аптечка с антисептиком и бинтами.

Она никому не сказала о своих планах — не хотела насмешек или попыток отговорить.

Наступил вечер, когда Элиза решила действовать. Небо затянули тяжёлые тучи, обещая дождь, но она не стала откладывать поход. В сумерках поместье выглядело особенно зловеще: тёмные окна, покосившаяся крыша, плющ, оплетающий стены, словно щупальца.

Дверь оранжереи поддавалась с трудом, скрипнув ржавыми петлями так громко, что Элиза вздрогнула. Внутри пахло сыростью, гниющими листьями и чем-то ещё — сладковатым, приторным, с металлическим оттенком. Этот аромат будто обволакивал, проникал в лёгкие, вызывая лёгкое головокружение.

Фонарик выхватил из темноты первые кусты роз. Они росли густо, переплетаясь ветвями, образуя почти непроходимые заросли. Бутоны казались огромными, неестественно пышными, а лепестки отливали алым с тёмными прожилками, напоминающими вены.

Элиза включила диктофон:

«22:17. Я внутри оранжереи поместья Вейнов. Визуально — обычный заброшенный сад, хотя растения выглядят необычно крупными. Аромат сильный, сладковатый, с металлическим привкусом. Пока никаких аномалий».

Она сделала несколько снимков, стараясь запечатлеть детали: глянцевые листья, длинные шипы с металлическим блеском, странные тёмные пятна на стеблях. Чем дольше она снимала, тем сильнее ощущала странное беспокойство — будто за ней наблюдают.

В центре оранжереи стоял самый крупный куст. Его бутоны были почти чёрными, а шипы длиннее, чем у остальных, — острые, как иглы. Элиза почувствовала, как по спине пробежал холодок, но подавила страх. Это всего лишь растения, напомнила она себе.

«Центральный куст выглядит наиболее необычно. Тёмные лепестки, удлинённые шипы. Возможно, это отдельный сорт...» — проговорила она в диктофон, приближаясь.

Когда она наклонилась для крупного плана, её палец едва коснулся стебля — и в тот же миг острый шип молниеносно вонзился в кожу поверх перчатки.

«Чёрт!» — Элиза отпрянула, выдернув руку.

Из крошечной ранки выступила капля крови. Сначала — лёгкое покалывание. Потом — тепло, растекающееся по руке, словно кто-то влил в вену расплавленный металл. Она с ужасом увидела, как место укола потемнело, а от него к запястью потянулись тонкие фиолетовые линии, похожие на вены или корни.

«Что за...?» — прошептала она, пытаясь снять перчатку.

Ткань будто прилипла к коже. Паника накрыла волной. Элиза рванула перчатку сильнее — та разорвалась, обнажая руку. Фиолетовые линии уже достигли локтя, пульсируя в такт какому-то невидимому ритму.

Она бросилась к выходу, но с каждым шагом ноги становились тяжелее, будто кто-то накидывал на них гири. В ушах зазвучал шёпот — не слова, а ритм, похожий на биение сердца. Элиза обернулась.

Розы двигались. Бутоны поворачивались вслед за ней, шипы подрагивали, будто приняв хиваясь. Листья шелестели, складываясь в тот самый шёпот. Один из побегов вытянулся, коснувшись её ботинка, и тут же отпрянул, словно пробуя на вкус.

«Нет... нет... это невозможно!» — она побежала, спотыкаясь о корни, которые, казалось, нарочно вытягивались ей под ноги.

Дверь захлопнулась перед ней с глухим стуком. Элиза рванула ручку — бесполезно. Обернулась снова.

Кусты приближались. Побегι вытягивались, обвивая ноги. Шипы царапали джинсы, впились в кожу, оставляя тонкие красные полосы. Она закричала, но звук утонул в шелесте листьев.

Один из шипов коснулся шеи — мягко, почти нежно. По телу разливалась странная тяжесть, а паника сменялась умиротворением. Перед глазами поплыли образы: корни, прорастающие сквозь землю, бутоны, раскрывающиеся в темноте, шёпот, ставший понятным...

Фиолетовые линии добрались до шеи. Кожа на лице начала трескаться, как кора, покрываясь глянцевыми прожилками. Пальцы скрючились, напоминая молодые побеги. Боль ушла, сменившись странным покоем — будто она наконец вернулась домой.

Элиза упала на колени. Побегι оплели её тело, сплетаясь в плотный кокон. Она больше не сопротивлялась. Вместо крика с губ сорвался тихий и последний выдох.

Последний проблеск сознания: она вспомнила Каспара Вейна. Поняла его ужас — и его капитуляцию. Он тоже когда-то стоял здесь, чувствуя, как его плоть становится частью сада.

«Так вот что ты чувствовал, Каспар...» — мелькнуло в голове Элизы, прежде чем сознание начало угасать.

К рассвету сад снова погрузился в тишину. На земле лежала лишь камера с последним снимком: лицо Элизы, наполовину скрытое переплетением зелёных побегов, прорастающих из её кожи. На губах — странная улыбка, как у человека, наконец нашедшего покой.

На следующую ночь изумрудное свечение в оранжерее стало интенсивнее. Шипы подрагивали в ожидании. Розы ждали нового гостя.

А в глубине сада, под слоем земли и переплетением корней, чей-то силуэт всё ещё напоминал очертания человека. Никто так и не узнал — и вряд ли когда-нибудь узнает, — что Каспар Вейн не просто погиб здесь. Он стал частью своего творения: его кровь питала почву, его кости стали опорой для новых побегов, а его разум слился с коллективным сознанием розария. И теперь, сквозь шелест листьев, он шептал вместе с розами — ждал, когда кто-то снова переступит порог оранжереи.

К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.